2007043081

W 305 W 305

РАЗСКАЗЪ

АРТИЛЛЕРИСТА

о

ДѢЛѢ БОРОДИНСКОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

РАЗСКАЗЪ

АРТИЛЛЕРИСТА.

W 34/305

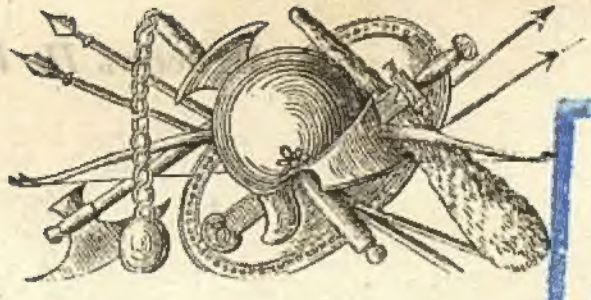
РАЗСКАЗЪ АРТИЛЛЕРИСТА

о

ДѢЛѢ БОРОДИНСКОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ЛЮБЕНКОВА.



VII-2081
ИМПЕРАТОРСКІЙ
МУЗЕЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Эдуарда Праца и К°.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурной Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 17 дня, 1837 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ ХРИСТОФОРОВИЧУ

БЕНКЕНДОРФУ

ОТЪ АВТОРА

усерднѣйшее приношеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много было пышныхъ и стратегическихъ описаній сраженія Бородинскаго; но подробности частныхъ дѣйствователей сокрыты, скромные Россіяне молчатъ и предоставляютъ свѣту судишь объ ихъ доблестяхъ. Россіяне правы по скромности, свѣтъ не виноватъ, по незнанію.

Передадимъ какъ чувствуемъ; да не возмутятся аристархи; что дѣлать, монополія въ литературѣ исчезла, нѣтъ почти болѣе условныхъ формъ — и литературная пропаганда размилась

повсюду. По крайнѣй мѣрѣ ополчайтесь, господа, вѣжливѣе, это будетъ въ духѣ вѣка; если я невѣрно описалъ, дождитесь другаго Бородинскаго дѣла и повѣрьте справедливость на опытѣ, иначе все это будетъ теорія, которую проповѣдывать легче, чѣмъ быть подъ ядрами, картечами и съ такимъ запальчивымъ непріятелемъ какъ Французы.

РАЗСКАЗЪ
АРТИЛЛЕРИСТА
О
ДѢЛѢ БОРОДИНСКОМЪ.

Политическіе волканы, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, колебали Европу, религіозная и гражданская ея жизнь разрушалась, но самый грозный тлился еще въ глубинѣ ея нѣдръ, въ тиши, въ тайнѣ недоступной, онъ возникалъ изъ роковой искры, скрытой подъ мрачнымъ пепломъ. — Общій ходъ происшествій, начертанный человѣчеству неисповѣдимымъ Провидѣніемъ, раздувалъ страшное его жерло; онъ хлынулъ

лавой огненнаго океана, и вселенная уготовилась къ неизбѣжной погибели, истребительный его потокъ палилъ все на молніеносномъ пути своемъ. Пали царства, но былъ искупитель въ лицѣ незабвеннаго Государя Александра; явилась съ нимъ мощная Россія, и твердыни ея, держимыя вѣнцепоснымъ помазанникомъ, достойнымъ ея обладателемъ, противустали; отхлынулъ разрушительный потокъ, и ударяясь объ ея ледяную громаду, онъ охладѣлъ, остылъ, потерялъ истребительную силу, — и разосгласся незыблемымъ основаніемъ для славы Россіи и искупителя Европы.

Буря протекшихъ событій слита нераздѣльно съ политическимъ величіемъ Россіи, она охраняетъ вѣко-

вое ея благоденствіе, и избавленное человѣчество еще взываетъ къ священной памяти Александра радостными воспоминаніями, и десница всемогущаго чертитъ святымъ сіяніемъ безсмертное его имя, предъ нимъ благоговѣйно склоняется вселенная.

Удары бѣдствій только что замолкли, дѣйствователи еще живы, и черты главныхъ вождей, какъ драгоцѣнный залогъ могущества Россіи, хранятся въ царевыхъ палатахъ для счастливаго потомства, оно взираетъ на нихъ съ народною гордостью. И пусть юноши, возбужденные жаркою своею мечтою, проникнутые чувствомъ своего достоинства, и честью принадлежать Россіи, вознесутся къ величію, сіяющему

на ихъ челахъ, да поникнутъ съ благоговѣніемъ; пусть слезы соревнованія выльются сладко изъ глазъ ихъ и запечатлѣютъ на сердцѣ месть къ врагамъ, и да произнесутъ они невольно клятвенный кровавый обѣтъ, быть страшными врагамъ своей отчизны.

Такъ, двадцать пять лѣтъ уже протекли со времени страшной Бородинской битвы, но воспоминанія о ней живы, лица безстрашныхъ погибшихъ товарищей, слабые отголоски страдавшихъ отъ ранъ, торжественные клики Русскихъ и повсемѣстный гибельный адъ огня глубоко еще начертаны въ памяти, — дика, мрачна была картина эта!

Кровавый бой жизни со смертью, глухой ревъ безчисленныхъ орудій,

пешстовыя вторженія кавалеріи и жаркія повсюду свалки на штыкахъ, съ которыми Русскіе всегда непобѣдимы, живо еще мелькаютъ въ глазахъ, и здѣсь роковое ура, какъ предтеча грозы, изумляетъ и приводитъ въ робость враговъ, и общая тревога, трескъ оружія, а тутъ громовые взрывы пороховыхъ хранилищъ, какъ волканы, несутъ гибель въ собственныхъ рядахъ и въ рядахъ непріятеля, и въ этомъ безпримѣрномъ побоищѣ, среди 2000 огненныхъ жерлъ, Русскіе безстрашно принимаютъ удары на грудь, удары враговъ, хлынувшихъ на Русь несмѣтными толпами.

Содрогается человѣкъ, переносясь къ событіямъ, которыми извѣдались силы всей Европы съ Россіей,

которыми она, чуждая корысти, рѣшила будущую судьбу вселенной, гдѣ милліонъ закаленнаго въ побѣдахъ войска, водимаго могучимъ военнымъ геніемъ Наполеона, летѣлъ ударить на Россію, оковать ее рабствомъ, стереть въ прахъ твердыни ея, этихъ гордыхъ Русскихъ, непошикшихъ еще предъ завоевателемъ свѣта, и наконецъ погибель этого милліона и жалкую, достойную участь вождя ихъ, врага вселенной.

Дивитесь, смертные, дивитесь величію Россіи, величію, освященному на вѣки безпримѣрнымъ героизмомъ Государя Александра, и высокою его кротостью; мы любили Монарха нашего, стекались по его маповенію,

и призывный его голосъ былъ родным сердцу Русскихъ.

Такъ Провидѣніе избрало отчизну нашу мрачнымъ позорищемъ для славы; мы прошли тяжкіе, благодѣтельные опыты, на нихъ создалось вѣчное могущество Россіи, ими разрушили долгій плѣнъ Европы.

И давно ли еще вѣнценосный герой Россіи, сдружась съ тяжкими трудами войны, среди неустрашимыхъ дѣтей своихъ, загремѣлъ новыми подвигами, и торжественно водрузилъ побѣдное свое знамя на Араратѣ, Балканахъ и въ нѣдрахъ мятежныхъ Сарматовъ.

Покорились страны, поникли народы, и великодушный Помазанникъ даровалъ имъ свободу, возвратилъ отторженныя земли и, движимый ду-

хомъ неустрашимости и величіемъ своего сана, не разъ являлся одинъ среди враждебныхъ воиновъ, павшихъ предъ нимъ.

Въ такую блестящую эпоху отрадно воспоминать былое; оно неразрывно связано съ современной славой отечества нашего.

Насталъ 1812 годъ, явился страшный, просвѣщенный Аттила. Европа ужаснулась, и малодушные обрекли Россію погибели, возгорѣлась кровавая война, и мы понесли на груди врага въ Россію, на смерть. Онъ посѣвалъ мятежи, попиралъ святыню — и слѣды его обагрены кровью и пожарами.

Всѣ признавали необходимою ретираду систематическую, но Русское сердце не выносило ея; оно

возставало противъ благоразумія. Ударить, разбить, вотъ къ чему пламенѣетъ кровь Русская. Но, внявъ волѣ Царя, спасителя отечества, мы съ терпѣніемъ перепосили отступленіе; наконецъ утомленные имъ, мы жадно ожидали генеральныхъ сраженій. Авангардныя дѣла мало занимали насъ, мы рѣшились всей массой войска принять на себя врага. Мщеніе за отечество былъ общій обѣтъ арміи.

Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ давно понялъ его и подарилъ насъ прекрасною позиціею, открылись поля Бородинскія, и многіе предузнали, гдѣ кому пасть. Тихо, величественно мы занимали ихъ, стройная линія тянулась далеко, общее движеніе одушевляло насъ; баталіоны пѣхо-

ты переходили изъ одного мѣста въ другое; они сливались въ колонны, вездѣ показывалась артиллерія, выдвигались батареи, грозна была наша армія предъ роковой битвой, и тяжкая дума пала мнѣ на сердце, страшная кручина занимала его. Облокотясь на одну изъ моихъ пушекъ, я поникъ, и съ глубокогрустнымъ чувствомъ слѣдилъ великолѣпную громаду войскъ нашихъ. Что все это предвѣщаетъ, подумалъ я? Бурю ли для отечества нашего, или новое торжество славы, которая никогда не измѣняла оружію нашему; удачный ли натискъ враговъ, давно болѣвшій въ нашемъ сердцѣ, или отчаянный отпоръ, къ которому кипѣли мы? Кому суждено погибнуть? Кто возвратится еще къ род-

нымъ, или эта черная земля покроетъ милліоны!

Творецъ! какое предопредѣленіе царствамъ и человѣку! убитый ли за отечество или побѣдитель счастливѣе? — Кто славнѣе: тотъ ли, кто стѣснилъ врага и закрылъ на вѣки глаза видѣвши побѣду, — или тотъ, кто надменно налагаетъ плѣнъ на противниковъ? И есть ли благополучіе выше смерти за отечество? — Вы рѣшили это, Русскіе! Неимовѣрныя жертвы ваши пламенѣли на алтарѣ отечества; вы покинули женъ, вы отдали Государю дѣтей, и явились на смерть въ одпихъ рядахъ съ своими отроками. Отцы и дѣти, юноши и старцы, всѣ родные по крови и чувству патріотисма, вы гибли на рукахъ сы-

новей и завѣщали имъ мщеніе врагамъ; вы бились рука съ рукой и спасли отчизну (*), и Государь обнялъ васъ какъ дѣтей, назвалъ собратами, сослуживцами, драгоцѣнныя имена! — Такъ думалъ я — сильнѣе билось сердце, оно обнимало Россію, сочувствовавшую тогда съ нимъ и, можетъ быть, роптавшую на насъ, но мы не пали духомъ. Царь зналъ, достойны ли мы имени Русскихъ и его попеченій!

Вились мечты мои предъ зѣвомъ общей могилы, и желаніе торжества милому отечеству переживало всѣ

(*) И прахъ вашъ, увѣнчанный мавзолеями на поляхъ, страшныхъ врагу битвъ, будетъ довѣчно осѣнять родину вашу — она сдѣлалась святынею для иноземныхъ; отнынѣ чуждая рука не прикоснется этой святыни.

другія, и тогда молитва къ Творцу затеплилась въ душѣ моей, — я очнулся и все тихо: заревые выстрѣлы катились еще, дымъ ихъ сливался съ мракомъ вечера, а ночь, роковая ночь угрюмо надвигала могильный покровъ надъ безчисленными жертвами, огни враговъ свѣтлѣлись еще. Что тамъ? готовы ли на бой? но пѣтъ: у нихъ запальчивость и тщеславіе, у насъ судьба отечества, груди стѣной; мгла скрыла враждебныхъ, и природа и месть затихли сномъ, всѣ мы полегли надъ бездной, разверншейся на разсвѣтѣ.

Была черная, глубокая ночь, какъ мысли мои. Завтрешній день, думалъ я, укажетъ, кто палъ изъ исполиновъ! Кто сражается за славу,

кто за родныя пепелища!—Русскіе! окровавимъ землю нашу, покроемъ ее трупами враговъ, пусть Россія увидитъ, достойныхъ ли она имѣетъ сыновъ, пусть Европа въ подвигѣ нашемъ устыдится своего рабства, падемъ для безсмертія. (*)

17-е Бригада наша занимала мѣсто на правомъ флангѣ нашей арміи; храбрый полковникъ Дитерикъ 2-й

(*) 25 Августа наканунѣ Бородинскаго сраженія носили въ войскахъ нашихъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Съ какимъ умиленіемъ наблюдалъ я дѣйствіе священнаго обряда на души воиновъ; страшные врагу усачи наши склонялись къ землѣ и благоговѣйно испрашивали благодати у Творца. Святое это благословеніе укрѣпило всѣхъ теплой вѣрой, и священныя имена Государя и Отечества пылали въ сердцахъ нашихъ. Молитва для Русскаго есть уже половина побѣды.

командовалъ ею, три батареи были разставлены. Незабвенный Графъ Кутайсовъ, начальствовавшій всею артиллеріею, храбрый, просвѣщенный генералъ, подававшій великія надежды отечеству, внушавшій полное къ себѣ уваженіе благороднымъ характеромъ, мужествомъ, бывшій отцемъ своихъ подчиненныхъ, на канунѣ еще сраженія пріѣхалъ осматривать къ намъ линію артиллеріи на всей позиціи, занимаемой арміею, входилъ въ пренія съ офицерами о выгодахъ мѣстнаго положенія для артиллеріи, позволялъ оспоривать себя, и слѣдовалъ за мнѣніями нашими; наблюдалъ проницательно, спрашивалъ о причинахъ, заставившихъ каждаго изъ насъ поставить такъ или иначе свои ору-

дія, и соглашался, если мы были правы. Такъ, видя одно изъ моихъ орудій въ ущеліи: Вы его превосходно поставили, сказалъ онъ, прислуга закрыта отъ огня непріятеля, и оно можетъ дѣйствовать на довольно обширномъ пространствѣ, но эти два вы слишкомъ открыли непріятелю. Я объяснилъ ему, что они стали на гребнѣ отвѣсной горы и дѣйствуя на пропзвольномъ пространствѣ, оставаясь на виду, не могутъ служить мѣтой непріятелю, ибо выстрѣлы слишкомъ должны быть счастливы, чтобъ ядра въ орудія попадали. — Ваша правда, сказалъ онъ, подъѣзжая ближе къ нимъ, я этого еще не замѣчалъ, и я бы не избралъ лучшихъ мѣстъ. Тутъ онъ

соскочилъ съ лошади, сѣлъ на коверъ и пилъ съ нами чай изъ чернаго обгорѣлаго чайника. — Я сегодня еще не обѣдалъ, сказалъ онъ. Такъ дружески прощался съ нами Кутайсовъ на закатѣ прекрасной своей жизни; онъ объяснилъ намъ значеніе слѣдующаго дня, вскочилъ на лошадь и помчался. Мы слѣдили долго этого любимаго нами человѣка, и кто зналъ, что въ послѣдній разъ, кто зналъ, что завтра, увлеченный безпримѣрнымъ мужествомъ и патріотизмомъ, онъ погибнетъ за всѣхъ!

Кровавою пеленою занималась заря, оставленные биваки дымились, тлѣли еще послѣдніе огни и догарали какъ жизнь раненыхъ. Арміи бы-

ли въ боевомъ порядкѣ, орудія наши заряжены, роковые фитили курились уже; восходило и солнце, оно позлащало, ласкало оружіе наше.

Стрѣлки завязывали дѣло, слышна была перестрѣлка на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Вдругъ она распространилась и вспыхнула по всей линіи, какъ пороховой стапинъ; заревѣли пушечные выстрѣлы, канонада усилилась; но, къ досадѣ, мы были въ бездѣйствіи, непріятель не аттаковалъ еще насъ. Творецъ, кто думалъ, что въ спокойныхъ хладнокровныхъ нашихъ лицахъ, въ этихъ людяхъ, исполненныхъ жизни и отваги, прошедшихъ смерть, чрезъ два часа останутся только трупы, кто провидитъ часъ

смерти — часъ всеобщаго истребленія — или сердце-вѣщунъ каждому укажетъ его; за два часа, говорю, мы были веселы, шутили, смѣялись, сочиняли эпитафіи другъ другу и въ тоже время полилась кровь, растерзаны члены наши и нѣтъ даже слѣдовъ знакомыхъ, родныхъ лицъ.

Вдругъ гонецъ; онъ скакалъ во всю прыть; два слова изъ устъ его — *орудія на передки*, это было дѣло одного мгновенія, и грозная цѣпь изъ тридцати шести орудій и восмидесяти пороховыхъ ящиковъ, подъ сильными выстрѣлами непріятеля, торжественно понеслась на лѣвый флангъ, гдѣ бой сдѣлался жестокимъ и сомнительнымъ, на помощь роднымъ, удерживавшимъ

сильный натискъ превосходнаго числомъ непріятеля. (*)

На быстромъ движеніи нашемъ, мы выдержали огонь со всей непріятельской линіи, расположенной на нѣсколько верстъ; звѣнья великолѣпной этой цѣпи выбивались ядрами враговъ, но это не останавливало общаго стремленія; одно ядро пронизало двѣ коренныя лошади моего единорога; отрѣзали ремни, впрягли другихъ, помчались слѣдомъ за батареями. Непріятель усиливалъ свои выстрѣлы, сосредоточивалъ ихъ противу насъ, но мы достигли своего назначенія, быстро очутились на

(*) Генералъ-Квартирмейстеру Толю порученъ былъ подвигъ, искусно провесть на позиціи лѣваго фланга нашъ корпусъ подъ сильными выстрѣлами непріятеля.

лѣвомъ флангѣ, гдѣ помощь наша была необходима, стали раздѣляться, замѣщать промежутки, и вступили въ жаркое дѣло — здѣсь цѣлый адъ былъ противъ насъ; враги, въ воспаленномъ состояніи, полутрезвые, съ буйными криками, толпами валили на насъ; ядра ихъ раздирали нашу линію, бой былъ уже всеобщій, стрѣлки наши отступали, непріятель тѣснилъ ихъ. Офицеры ихъ были перебиты, непріятель, не видя на этомъ мѣстѣ пушекъ, дѣлалъ уже кавалерійскія атаки, но появленіе батареи ободрило нашихъ стрѣлковъ. *Батарея стой, съ передковъ долой* — она хлынула картечью, опрокинула колоши, отряды непріятельской кавалеріи смѣшались и линія враговъ подалась

назадъ, стрѣлки наши бросились впередъ, завладѣли высотами, мы твердо стали на этой позиціи (*). Солдаты наши любятъ пушки и грудью стоятъ за нихъ: *Впередъ ребята*, кричатъ они, *родимыя пріѣхали*.

Здѣсь сраженіе сдѣлалось какъ бы поединкомъ, трупы усѣяли землю, лошади безъ всадниковъ, разметавъ гривы, ржали и скакали; отбитыя орудія, остовы ящиковъ были разбросаны, дымъ, пламя, гулъ орудій, изрыгающихъ безпрерывный огонь — стонали раненые, дрожала земля. Мужествен-

(*) Гдѣ прежде еще грозный Воронцовъ съ своими гренадерами и князь Голицынъ съ кирасирами уничтожали колонны непріятельскія.

ный неустрашимый Генералъ Багговутъ, командовавшій нашимъ корпусомъ, прискакалъ къ намъ. У васъ очень жарко, сказалъ онъ; мы грѣемся съ непріятелемъ, отвѣчали мы. — Вамъ нужно подкрѣпленіе, стойте, братцы, ни шагу, вы изумляете непріятеля. Графа Кутайсова уже не было на свѣтѣ, мужество увлекло его въ пылъ битвы и одна только лошадь возвратилась. Завидна была смерть Героя, и мы воскипѣли еще болѣе мщеніемъ за него.

Вотъ какъ лишились мы храбраго Генерала: враги негодуя, что Русскіе не уступаютъ имъ ни шагу, и устыдясь превосходства своего числа надъ нами, рѣшились расторгнуть центръ нашъ и принудить насъ

къ отступленію. Въ этомъ намѣреніи они въ сильномъ числѣ бросились на одну изъ главныхъ нашихъ батарей въ средипѣ линіи, расположенной двумя фасами. Не было средствъ удержать стремительнаго ихъ натиска, и они завладѣли ею. Пылкій Кутайсовъ и хладнокровный Ермоловъ мгновенно поняли планъ непріятеля, исполненіе котораго влекло для насъ неисчислимыя бѣдствія. Не останавливаясь, оба знаменитые Генерала рѣшились пожертвовать собой славѣ оружія нашего, они схватили Уфимскій полкъ и повели его сами въ пылъ сраженія на потеряпную батарею, засверкали штыки, загремѣло ура! батарея взята, но палъ Кутайсовъ. Неустрашимый, мужественный Генералъ,

достойный почестей, смерть твоя спасла честь нашей арміи въ дѣлѣ Бородинскомъ, ты умеръ съ отрадными чувствованіями, ты сознавалъ свой подвигъ и достигъ его. Остался у насъ достойный твой сподвижникъ. Потщимся, Русскіе, оцѣнить ихъ самоотверженіе, будемъ произносить имена ихъ съ благоговѣніемъ. Въ такой дани не можетъ отказать имъ потомство, еще менѣе современники. (*)

Непріятель, превышая насъ числомъ въ пять разъ, изумился неу-

---

(*) Здѣсь же безстрашный Паскевичъ съ своей дивизіей былъ тѣснимъ сильными непріятельскими колоннами, но опрокидывалъ ихъ холоднымъ оружіемъ и удержалъ наконецъ верхъ, эту славу раздѣлилъ съ нимъ Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ.

страшимости Русскихъ, онъ утомился атаками, мы принимали его на вѣрную смерть, сраженіе сдѣлалось медленнымъ, но смертоноснымъ, усталыя войска отдыхали для новыхъ истребленій, — одна артиллерія не останавливалась. Жерла орудій извергали пламя, свѣтъ потемнѣлъ, дымъ клубился въ атмосферѣ, могильный гулъ потрясалъ землю и ужасный грохотъ орудій не прекращался.

Покрылись поля жертвами, кровь собратій и враговъ дымилась, они погибали, встрѣчаясь съ нашими; ряды обѣихъ армій пустѣли, лучшіе наши солдаты пали; что нужды? Мы знали, за что стояли, смерть повила всѣхъ однимъ чувствомъ, не было уже у насъ попеченія о близ-

кихъ, исчезла заботливость о жизни человѣка, добродѣтель, отличающая столь много Русскаго, было только отечество и жажда истребить врага.

Такъ раненые просили помощи — не до васъ, братцы, теперь, всѣ тамъ будемъ, отвѣчали солдаты товарищамъ; убьютъ ли кого, смертельно ли ранятъ — въ одну груду, состраданіе замолкло на время; собственная жизнь сдѣлалась бременемъ: тотъ радовался, кто ее сбрасывалъ – онъ погибалъ за Государя, за Россію, за родныхъ.

Когда истощены были обоюдныя силы, когда неумолимая рука смерти устала отъ истребленія, арміи стояли, казалось, недвижимо; не было конца бѣдственному дню; одни орудія глушили, раздирали ряды, мѣ-

стами смолкали и они. Въ одномъ изъ такихъ промежутковъ бомбардиръ одного изъ моихъ орудій, Кульковъ, молодой храбрый солдатъ, опершись на банникъ, призадумался, я зналъ прежде и угадалъ прекрасныя чувствованія простаго человѣка. —Ты думаешь о суженой! Точно такъ, Ваше Благородіе, отвѣчалъ бомбардиръ; жалко, когда больше съ ней не увижусь. — Бей больше Французовъ, сказалъ я, чтобы они ея у тебя не отняли. — Нѣтъ, Ваше Благородіе, лучше свѣта не увидѣть, чѣмъ отдать ее бусурманамъ. Несчастный угадалъ; ядро снесло ему голову, мозгъ и кровь брызнули въ насъ, и онъ тихо повалился на орудіе съ стиспутымъ въ рукахъ банникомъ. Солдаты люби-

ли, уважали его за храбрость и добрыя качества. Позвольте его похоронить, Ваше Благородіе. — Не успѣете, братцы, теперь — сказалъ я имъ, а успѣете, дѣлайте что знаете, мнѣ теперь нѣкогда. Съ этимъ они бросились, оттащили обезглавленное тѣло, вырыли тесаками столько земли, сколько нужно, чтобъ покрыть человѣка, сломали колъ, разщемили его сверху, вложили поперечную палочку въ видѣ креста, воткнули это въ землю, всѣ бросили на полузакрытаго товарища по послѣдней горсти земли, солдаты перекрестились. Богъ съ тобою, Царство тебѣ небесное, сказали они и бросились къ пушкамъ, непріятель снова атаковалъ насъ. Богъ намъ помогъ. Отразивъ непріятеля, мы

составили совѣтъ, заряды наши были выпущены, едва оставалось по нѣскольку на орудіе, — храбрый унтеръ-офицеръ Литовскаго Уланскаго полка разрѣшилъ наше недоумѣніе. Позвольте мнѣ, Ваше Благородіе, слетать за ящикомъ къ непріятелю. Охотно, отвѣчалъ я, ты будешь за это вознагражденъ, и онъ помчался въ непріятельскую линію.

Предъ этимъ нѣсколько разъ онъ скакалъ по сторонамъ, осматривалъ число непріятеля, доносилъ намъ о его частныхъ движеніяхъ, принося чрезъ свои поиски истинную пользу. Здѣсь онъ мчался съ ящикомъ, одна изъ трехъ ящичныхъ лошадей была убита; изъ двухъ остальныхъ у пристяжной была переломлена нога, коренная легко ранена. Уланъ

ухитрился: онъ привязалъ поводья двухъ этихъ лошадей къ хвосту своей лошади, опрометью сѣлъ на нее и скакалъ къ намъ, пристяжная едва могла поспѣвать, скача на трехъ ногахъ Мы торжественно встрѣтили храбраго; я поцѣловалъ Улана. Гдѣ ты отыскалъ ящикъ съ зарядами? — А вотъ гдѣ, осматривая по вашему приказанію, вотъ ту конницу, что сейчасъ было пожаловала къ намъ, которую вы отпотчивали картечами, я увидѣлъ нѣсколько Русскихъ орудій, бросившихся въ атаку; вотъ они за убитымъ ѣздовымъ и лошадью не могли его взять, когда поскакали вправо, а Французамъ нѣкогда было; они дрались съ нами. Заряды пришлись по калибру легкихъ нашихъ орудій,

и мы съ радостію ихъ раздѣлили какъ драгоцѣнную добычу, выхваченную почти изъ рукъ непріятелей, которую въ это время нельзя было замѣнить на вѣсъ самаго золота. Графъ Сиверсъ, какъ главный начальникъ нашего отряда, поздравилъ храбраго унтеръ-офицера: Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ за подвиги его въ цѣлый день произвелъ въ офицеры. Мы радовались, что онъ былъ достойно награжденъ и, имѣя заряды, не унывали болѣе, люди у орудій были изранены, мы ихъ замѣнили рядовыми изъ Рязанскаго и Брестскаго полковъ, насъ прикрывавшихъ; на лошадей посажены были лихіе ратники Московскаго ополченія; день этотъ истребилъ превосходныхъ опытныхъ у

насъ канонеровъ, но гдѣ было имъ лучше пасть, какъ не подъ Бородинымъ, гдѣ великодушный Государь, сознавая вполнѣ жертву, понесенную убіенными, повелѣлъ соорудить достойный мавзолей на полѣ Бородинскомъ, на удивленіе вѣкамъ, пусть драгоцѣнный этотъ памятникъ оживитъ воспоминанія, пусть воины наши, узрѣвъ его, возбудятся еще большею ревностію и содѣлаются достойными на великія жертвы, пусть примиренные враги съ тайнымъ ропотомъ отойдутъ прочь. Завидя обелискъ гигантамъ Европы, у нихъ затмится мысль новаго вторженія въ Россію, гдѣ громовыя кары ихъ настигли.

Миръ праху вашему, исполины Россіи, достойные плача и радост-

ныхъ воспоминаній. Громъ вашего оружія раздавался повсюду, перуны ваши поражали всѣхъ, Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ, всѣ поочередно приняли ваши законы. Промчатся столѣтія и скрижали исторіи обезсмертятъ ваше имя, вселенная будетъ переноситься къ памяти вашей съ благоговѣніемъ и неумолкаемо твердитъ дальнѣйшее потомство о васъ съ справедливымъ уваженіемъ.

Въ солдатахъ нашихъ проявляются часто прекрасныя, высокія черты; такъ въ этомъ сраженіи Французы были взяты въ плѣнъ, многіе были ранены, у одного оторвана нога. Мучимый нестерпимою болью и голодомъ, онъ обращался къ нашимъ солдатамъ и просилъ хлѣба,

у насъ его не было, обозъ нашъ былъ далеко, одинъ изъ нихъ вынулъ кусокъ хлѣба и отдалъ его непріятелю. — На тебѣ, камрадъ, я съ ногами, пока и достану гдѣ ни будь, а тебѣ негдѣ его взять. Я зналъ, что кусокъ былъ послѣдній и обнялъ благороднаго солдата, храбрый и добродушный получилъ за Бородинское дѣло Георгія. Такъ есть великая душа въ нашихъ простыхъ воинахъ; она хранится какъ драгоцѣнный алмазъ въ грубой своей корѣ, умѣйте только его раскрыть.

Вечерѣло, выстрѣлы затихали, отдыхъ сдѣлался необходимъ, арміи пролили, казалось, всю кровь, не было уже жертвъ, просвѣтлѣлъ воздухъ, дымъ тихо взвивался и редѣлъ; военачальникъ враговъ (утверждали

плѣнные, что то былъ самъ Наполеонъ), окруженный свитою болѣе ста особъ, рекогносцировалъ, онъ смотрѣлъ часто въ зрительную трубу; мы пока молчали, онъ приближался, памъ этого и хотѣлось, легкія наши орудія были заряжены ядрами, батарейныя картечами; въ совѣщаніи мы составили планъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и дать залпъ, выдержавъ хладнокровно приближеніе, этимъ мы могли истребить, если не счастливца, то нѣкоторыхъ непріятельскихъ генераловъ, бывшихъ тутъ въ свитѣ. Мы окружили орудія, чтобы не дать замѣтить, что ихъ наводили; вдругъ отскочили, вспыхнулъ огонекъ, взвился дымъ съ скорострѣльныхъ трубокъ и всѣ

орудія грянули смертью. Расторженъ великолѣпный поѣздъ, размѣтали его по сторонамъ, половина истреблена. Но вслѣдъ за тѣмъ мы выдержали мщеніе враговъ, выдержали непмовѣрно. Чрезъ четверть часа густая колонна Французскихъ гренадеровъ, до пяти тысячъ съ красными распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ, какъ черпая громовая туча, неслась прямо на насъ; казалось, ей велѣно погибнуть до послѣдняго или взять нашу батарею. У насъ потеря была значительна; храбрая бригада Брестскаго и Рязанскаго полковъ, бросаясь въ продолженіе дня нѣсколько разъ на штыки, разстроила себя. Генералъ Графъ Ивеличъ, командовавшій ею, былъ раненъ, по

не оставлялъ своего мѣста. Мужественный Литовскій Уланскій полкъ не менѣе потерпѣлъ отъ безпрерывныхъ атакъ, намъ оставалось погибнуть. Неустрашимый Графъ Сиверсъ ободрялъ насъ, мы рѣшились итти на смерть. Офицеры артиллеріи были перебиты, оставались только я и боевой поручикъ Тишининъ (нынѣ артиллеріи полковникъ). Мы обнялись съ нимъ и хладнокровно ожидали враговъ, не желая имъ дать даромъ ни выстрѣла, и съ увѣренностію объявили прикрытію, что на его долю будетъ половины этой колонны, обнялись, еще простились, и къ дѣлу. Мы первые должны были встрѣтить незваныхъ гостей.

Надобно отдать справедливость Французамъ, что натискъ ихъ бы-

вастъ необыкновенный; первыя ихъ атаки чрезвычайно стремительны, кажется, только одни Русскіе ихъ могутъ выдержать. Обыкновенно они дѣлаютъ ложныя движенія, сосредоточиваютъ въ одинъ пунктъ всѣ свои силы и съ бѣшенствомъ бросаются, чтобы прорвать линію, но это продолжается не долго, далѣе они смягчаются, дѣлаются привѣтливѣе, и тогда Русскіе, постояннѣе по силѣ характера и безстрашію, бросаются и сокрушаютъ ихъ. Такъ было и здѣсь, въ нашемъ дѣлѣ: они съ дикимъ крикомъ приблизились, мы встрѣтили ихъ картечью, и страшная колонна поколебалась. Начальники ихъ кричали: allons! avancez! Ряды мгновенно замѣщались, они выстраивались чрезъ трупы своихъ

и двигались плавно, величественно. Брызгнули еще картечью. Новое пораженіе, колонна смѣшалась, но крики начальниковъ не умолкали и она, опять стройная, двигалась. Для нанесенія рѣшительнаго пораженія и замедленія ея на ходу, мы начали дѣйствовать залпами изъ полубатарей, выстрѣлы были удачны, разрѣдѣла эта страшная туча, музыканты и барабаны замолкли, но враги опять шли смѣло. Колонна эта была похожа на безпрерывный приливъ и отливъ моря, она то подавалась назадъ, то приближалась, въ нѣкоторыя мгновенія движенія ея отъ дѣйствія нашей батареи были на одномъ мѣстѣ, она колебалась, вдругъ приблизилась. Эскадроны Уланскаго полка бросились въ ата-

ку, но по малому числу людей не могли выдержать ее; колонна открыла убійственный батальный огонь, кавалерія наша была отбита и возвратилась. Графъ Сиверсъ, безстрашіе котораго въ этотъ день было свыше всякаго описанія, видя, что не остается у насъ болѣе зарядовъ, приказалъ взять на передки, и прикрылъ наше отступленіе Егерями.

Мы сдѣлали послѣдній прощальный залпъ изъ цѣлой батареи. Французы совершенно смѣшались, но опять строились почти предъ батареей; тутъ Рязанскій и Брестскій полки гряпули ура! и бросились на штыки. Здѣсь пѣтъ средствъ передать всего ожесточенія, съ которымъ наши солдаты бросались;

это бой свирѣпыхъ тигровъ, а не людей, и тогда какъ объ стороны рѣшились лечь на мѣстѣ, изломанныя ружья не останавливали, бились прикладами, тесаками; рукопашный бой ужасенъ, убійство продолжалось съ полчаса. Объ колонны ни съ мѣста, онѣ возвышались, громоздились на мертвыхъ тѣлахъ. Малый послѣдній резервъ нашъ, съ громовымъ ура!, бросился къ терзающимся колоннамъ, болѣе ни кого уже не оставалось — и мрачная убійственная колонна Французскихъ гренадеръ опрокинута, разсѣяна и истреблена; мало возвратилось и нашихъ. Единоборство колоннъ похоже было на бойню, лафеты наши были прострѣлены, люди и лошади перебиты; послѣдній по какому-то

инстинкту стояли, цѣлый день, печально наклонивъ головы, онѣ смирно переставляли ноги, вздрагивая по временамъ отъ ядеръ и гранатъ лопавшихъ на батареи.

Вечеръ прекратилъ убійство, горсть побѣдителей возвратилась къ своимъ; мы всѣ были окровавлены, одѣянія наши изорваны; мы были похожи на часть Спартанъ, погибшихъ съ безсмертнымъ Леонидомъ; лица наши въ пыли, закоптелые пороховымъ дымомъ, уста засохли; но мы дружно обнялись и почтили память погибшихъ слезой сострадания, которое притупилось, исчезло въ продолженіе дня. Мы чувствовали, что достойны довѣрія Отечества и Государя.

Ночь провели на трупахъ и ране-

ныхъ, и мечты мои вновь воскрылились; я видѣлъ, какъ обагрялись Бородинскія поля кровью, видѣлъ отраднo, какъ гибли враги, какъ ядра мои раздирали страшную колонну, готовую насъ сокрушить; видѣлъ, какъ пламеннымъ шаромъ закатилось солнце вмѣстѣ съ жизнію почти ста тысячъ; мракъ покрылъ ихъ на вѣки. Но ты возстанешь опять, величественное свѣтило, ты заблестишь на горизонтѣ, ты пріютишь, оживишь все прозябеніе, ты согрѣешь теплотою своею природу, ты осушишь ея слезы, не возстанутъ только несчастные убіенные, не пріютятъ они болѣе сиротъ, ими оставленныхъ, не осушатъ ихъ слезы, не закроютъ вѣжди ихъ, и предмогильный плачъ не облегчитъ стра-

данiй, не утишитъ ранъ душевныхъ о судьбѣ родныхъ и отечества. Завтра стопы опять раздадутся, и ты, устыдясь убiйствъ, опять западешь, солнце, за черную землю. Скажи, долго ли еще на землѣ продлится безчеловѣчiе? Можетъ быть протекутъ вѣка, милiонъ колѣнъ на свѣтѣ истребится, и ты по прежнему будешь свѣтить пожарамъ, грабежамъ, убiйствамъ, или ты остановишь великолѣпный свой путь, когда люди всѣ истребятъ другъ друга; или когда новый возвратъ Спасителя избавитъ, примиритъ отъ вражды человѣчество.

Но въ эту бѣдственную годину Россiя ли искала войны? Не отклонялъ ли ее Государь Александръ, любя какъ дѣтей своихъ поддан-

ныхъ, и какую умѣренность въ требованіяхъ, какую высокую кротость, достойную его сана, Онъ показалъ побѣжденнымъ.

Такъ сорокъ столѣтій протекли, и въ этихъ столѣтіяхъ пять примѣра подвиговъ, которые явили Русскіе, обезсмертившіе имя свое. Вездѣ, во всѣхъ странахъ, мы являлись грозою притѣснителямъ и блюстителями мирныхъ обитателей. Великодушіе увѣнчавало всегда наши дѣянія. Такъ, утвердясь на высотахъ Монмартра, мы ожидали только воли Царя, одно мгновеніе его: и этотъ гордый Парижъ взлетѣлъ бы на воздухъ (*) — признаться, всѣ мы

(*) Какъ грозные побѣдители, мы основались на этихъ знаменитыхъ высотахъ, и съ

жадно желали этого, но воля Его была для насъ священна. Онъ помиловалъ враговъ, и мщеніе наше за родную Москву затихло; мы примирились великодушно съ непріятелями. — Дотолѣ мы будемъ счастливы, пока останемся Русскими. Мы любимъ нашихъ Государей и Россію, слава ихъ для насъ драгоцѣнна, и если нужна для ихъ величія наша кровь, кто изъ насъ отрадно не прольетъ ея, до послѣдняго біенія сердца, пламенѣющаго ихъ благоденствіемъ?

перунами въ рукахъ потрясали судьбою величайшаго Государства во вселенной; одно мановеніе Царя нашего, и этотъ цвѣтущій обширный городъ превратился бы въ пепелъ и съ любезнымъ своимъ народомъ и съ славою своею — и съ Лувромъ и съ прелестными женщинами!...

Графъ Сиверсъ, не имѣя уже при себѣ адъютантовъ, которые были всѣ разосланы, и замѣтивъ, что непріятельскія колонны сильно напираютъ, сказалъ мнѣ: Я останусь вмѣсто васъ, скачите скорѣе къ Поручику Вейде (онъ стоялъ съ 6^ти орудіями правѣе нашей батареи); пусть онъ обратитъ всѣ свои выстрѣлы противъ колонны, а не противъ непріятельскихъ батарей. Съ этимъ порученіемъ я уже скакалъ, на пути моемъ поразили меня множество предметовъ, отъ которыхъ теперь отвращается сердце — все разбитое, изломанное, раздавленное, обнаженное, и на этомъ безобразномъ полѣ страданій Малороссійскіе наши кирасиры въ пешеной схваткѣ съ Французскими латниками, кирасы

ихъ трещали отъ взаимныхъ привѣтствій палашами, они жарко рубились, — вторглись въ боевую непреодолимую дотолѣ колонну лучшихъ Французскихъ войскъ и подавили ее силою, рѣшимостью: это были двѣ страшныя столкнувшіяся тучи, изъ которыхъ полились потоки крови.

Они такъ дружно сплелись, что я проскакалъ мимо ихъ, не обративъ почти на себя никакого вниманія, два латника только бросились ко мнѣ, но были изрублены нашими кирасирами, и я пронесся стрѣлою, сдѣлавъ по одному удачный выстрѣлъ изъ пистолета.

Надобно удивляться иногда тому ожесточенію и той страсти достигнуть непремѣнно своей цѣли, кото-

рыми исполнены бываютъ враждующіе.

Полковникъ нашъ, желая прекратить дѣйствіе одной непріятельской батареи, которая выхватывала ряды изъ нашихъ колоннъ, скомандовалъ нашей батареѣ въ атаку; мы бросились на передкахъ отвозахъ, подскакали на картечный выстрѣлъ, дали залпъ ядрами, и продолжали стрѣлять картечами, сбили батарею, она замолкла и спялась съ мѣста съ подбитыми орудіями. Въ это время Малороссійскіе наши кирасиры схватывались съ Французскими латниками, ожесточеніе ихъ было такъ велико, что они поражая другъ друга, проносились не единожды сквозь нашу батарею, рубились межъ собою, не трогая насъ; я изумился

этой запальчивости, которая можетъ имѣть вѣроятіе въ глазахъ только очевидца.

Чтобы достигнуть моего назначенія, я пустился во весь карьеръ, вдругъ свалилась моя лошадь и я съ нею, она лежала безъ заднихъ ногъ; я бросился пѣшкомъ, получа добрый толчокъ, отъ котораго зазвенѣло у меня въ ушахъ. Множество лошадей разгуливали и рѣзво неслись передъ мною; я схватилъ одну за мундштукъ; она, потерявъ хозяина, летѣла прямо ко мнѣ и остановилась въ двухъ шагахъ, но ядро повалило и ее. Достигнувъ пѣшкомъ батареи Вейде, я увидѣлъ храбраго офицера съ пробитой пулею рукою, кровь текла изъ нея, но онъ не обращалъ вниманія и радовался только искус-

сному дѣйствію своей батареи. По крайней мѣрѣ вели завязать себѣ рану, чтобы быть въ силахъ исполнить приказаніе Графа, сказалъ я ему. Сильный, отъ природы неутомимый, онъ вырывался изъ рукъ солдата, который, заложивъ рану кускомъ пакли, завязывалъ ее платкомъ, и продолжалъ кричать: *Второе и третье орудіе по правой колонпѣ*, хорошо ребята, мастерски, не даромъ выстрѣлы. Мы пожали другъ другу руки и я возвратился; не болѣе получаса я былъ въ отсутствіи, но уже не засталъ у себя многихъ на батареи; ядра свистали, рикошеты ихъ бороздили землю, осколки гранатъ летали.

Раненый въ пятку Поручикъ Давыдовъ спокойно сидѣлъ въ отда-

ленiи и читалъ Юнга, съ которымъ онъ никогда не разставался; непрiятельскiе выстрѣлы летали мимо его. Что ты дѣлаешь? Надобно успокоить душу и приготовиться къ смерти, отвѣчалъ онъ хладнокровно, мнѣ съ вами не остается ни чего дѣлать, я исполнилъ свой долгъ. Вѣчный его соперникъ въ мнѣнiяхъ, тяжело раненый Поручикъ Нероновъ прощался со мною глазами, которые туже минуту сдѣлались недвижны. Не оставляйте, братцы, мѣста и поклонитесь родпымъ, сказалъ онъ тихо, и замолкъ навсегда. Сердце мое затрепетало, потеря благороднаго этого товарища прибавила ему новую рану. Мрачный, печальный, онъ цѣлый день говорилъ о смерти, которую прозрѣвалъ.

Солдаты, увидѣвъ меня, всѣ воскликнули: Слава Богу, Ваше Благородіе, что вы живы; мы думали, что латники васъ изрубятъ и помочь нельзя бъ было; а какъ убили лошадь вашу, то и попрощались съ вами. Они, говоря это, работали отчаянно, только одинъ огорчилъ меня. Подавая заряды изъ ящиковъ, онъ каждый разъ скрывалъ за него свою голову, когда прожужжитъ ядро или мелькнетъ дымящаяся граната, дѣйствуя впрочемъ цѣлый день какъ храбрый солдатъ. Я вызвалъ его, зарядили орудіе, поставили его предъ самымъ жерломъ: Вотъ такъ должны умирать негодяи, сказалъ я, и взялъ пальникъ въ свои руки. Виноватъ, Ваше Благородіе, этого впередъ не будетъ, что-то тоска

напала. Я простилъ его и отослалъ опять къ зарядному ящику; но лишь онъ открылъ его, чтобы достать заряды, непріятельская граната лопнула въ самомъ ящикѣ, ящикъ взорвало и солдата не нашли. Вотъ ребята, сказалъ я, какъ Богъ наказываетъ трусовъ. Лошадей отбросило, опалило, но онѣ остались живы; бѣдныя животныя смирно остановились на этомъ мѣстѣ.

Выстрѣлы бывали иногда удивительно удачны. Такъ одинъ разъ непріятельское ядро попало въ верхнюю часть орудія, отдало его, сбило мушку, сдѣлало впадину и отскочило; солдаты шутя и остроумно говорили: вѣрно не по калибру пришлось. Другой выстрѣлъ

былъ еще страшѣе, подъ орудіемъ на самой оси висѣла корзина съ рожью (запасъ артиллерійскихъ солдатъ); ядро пробило корзину, прошло сквозь рожь и оба бока корзины, сдѣлало углубленіе на оси орудія, и уже послѣ сраженія изумленные солдаты нашли его въ корзинѣ и долго хранили, какъ подарокъ отъ Французовъ.

Но въ одну изъ смертельныхъ минутъ спасеніе наше съ Поручикомъ Тишинымъ было чудеснымъ. Батарея наша должна была мгновенно сняться, орудія были взброшены на передки, и она неслась уже на рысяхъ. Остановившись, чтобъ положить на лафетъ нѣкоторыхъ раненыхъ, мы догнали свои орудія, и какъ верховыя лошади наши были

убиты, мы хотѣли оба вскочить на лафетъ одного изъ орудій и, не достигши его нѣсколько шаговъ, какъ ядромъ перерѣзало правило, минуту раньше и нить жизни нашей была бы прервана. Богъ хранитъ васъ вѣрно, замѣтили радостно солдаты.

Извѣстный Уланскій герой, участвовавшій во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ и проголодавшись подобно намъ, въ одну изъ своихъ смѣлыхъ рекогносцировокъ овладѣлъ большимъ горшкомъ коровьяго масла, который онъ добылъ изъ Французской зарядной фуры; солдаты бросились на горшокъ, разбили и въ одно мгновеніе поглотили по кускамъ все масло. Послѣ сраженія они набрали нѣсколько грибовъ и жарили ихъ на огнѣ бивачныхъ костровъ.

Худо, братцы, сдѣлали, сказалъ одинъ изъ нихъ, что масло съѣли, поберечь бы до грибовъ. Такія шутки у нихъ обыкновенны. Русской солдатъ не унываетъ; высокое присутствіе духа особенно у нихъ обнаруживается во время перевязки раненыхъ; такъ одинъ изъ нихъ съ оторванной ногой говорилъ своему фельдфебелю, который прострѣленъ былъ пулей въ щеку и не могъ говорить: Ну Иванъ Петровичъ, посылай насъ за соломой, за дровами, (то есть, какъ это дѣлалось имъ прежде). Бѣдный фельдфебель покачалъ головою.

Страсть къ битвамъ обнаруживается въ народномъ духѣ Русскихъ, единоборство для нихъ забава. Взгляните на народныя наши

гимнастическія игры, всѣ онѣ носятъ характеръ воинственный; охота къ кулачнымъ боямъ ни въ одномъ народѣ, со включеніемъ самыхъ Англичанъ, столько не обнаруживается, какъ у Русскихъ, и этотъ бой у насъ всегда въ видѣ колоссальнаго и имѣетъ собственную свою стратегію. Такія генеральныя сраженія, особенно въ губернскихъ городахъ и всегда двухъ противныхъ партій, служатъ тому очевиднымъ доказательствомъ. Какія кровавыя спшбки, и тутъ своя тактика, задираютъ обыкновенно мальчики, это стрѣлки, далѣе схватываются всѣ, это армія, — наконецъ лучшіе уважаемые бойцы — ветераны, какъ главный резервъ. И какъ послѣ подобныхъ уроковъ цѣлой жизни

не умѣть Русскому работать штыкомъ и прикладами въ сраженіяхъ? Нельзя дозволить продолжать такой закоренѣлый обычай, какъ для сохраненія людей, такъ и потому, что онъ принадлежитъ къ временамъ отдаленнымъ; но нельзя не признаться, что эти народныя битвы, имѣя цѣлью часто одно увеселеніе, поселяютъ мужество и навыкъ. Совершенно справедливо, когда говорятъ, что Русскіе идутъ въ дѣло съ радостью, напѣвая любимыя народныя пѣсни; это подтверждается фактомъ мной, изложеннымъ. Могучіе наши богатыри привыкли смѣло встрѣчать удары равныхъ себѣ.

Они никогда не думаютъ о ранахъ и страданіяхъ, главный у нихъ результатъ броситься, достигнуть,

разбить, и если знаютъ, что Государь въ арміи, давай тогда смѣло десять непріятелей на одного. Съ такими воинами на что не рѣшишся, чего не сдѣлаешь! Они отъ начальниковъ требуютъ только заботливости о своемъ продовольствіи, и за то предаютъ себя всѣмъ жертвамъ, которыя отъ нихъ потребуютъ; скажи имъ привѣтствіе, ободри, попробуй каши изъ ихъ котла, и они пойдутъ въ огонь и воду; радушіе начальники ихъ утѣшаетъ. Суворовъ многими своими побѣдами кажется обязанъ частію тому, что онъ болѣе другихъ вождей узналъ путь къ сердцу Русскаго солдата.

Здѣсь кстати замѣтить, что Русскіе и Французы бываютъ всегда враги только по соревнованію въ

славъ. Такъ на вопросъ одного Генерала, что называется непріятелемъ? Солдатъ рѣшительно отвѣчалъ, Французъ, Ваше Превосходительство. Ну а когда война съ Турками? Все таки Французъ. Это было вскорѣ послѣ кампаніи 1812 года. Столько ожесточены они были достойнымъ порицанія поведеніемъ Французовъ въ Россіи, и враги наши не должны обвинять даже Русскихъ крестьянъ въ жестокостяхъ съ ними: ибо неистовые поступки Французской арміи въ Россіи, заслуживали бы еще большаго мщенія. И такъ ли мы поступали во Франціи, такъ ли мы заплатили за неслыханное звѣрство ихъ? Впрочемъ мы отмщены, мы были во Франціи для того, чтобъ показать ей великодушіе на-

ше. И какъ добрыя дѣла не остаются безъ возмездія, то не разъ бывши потомъ за границей, я наслаждался прекрасными плодами мира и спокойствія, которые мы внесли въ нѣдра этого Государства, вмѣсто мести, которою должны бы были его покарать.

Солдаты наши самолюбивы и любятъ показывать свою смѣтливость. Въ одно время Капитанъ Филатьевъ присланъ былъ для занятій по службѣ; не зная его имени, на первый разъ изъ приличія мы называли его Monsieur Филатьевъ; солдаты слышали это. Обращаясь къ одному изъ своихъ офицеровъ, я ему сказалъ: объ этомъ пошлите сказать къ Monsieur Филатьеву. Да вотъ не прикажите ли его послать, сказалъ

онъ, указывая на лихаго ефрейтора, тутъ же стоящаго. Да ты знаешь какъ зовутъ Капитана, къ которому тебѣ надобно итти? Какъ не знать, Ваше Благородіе, къ Моисей Филатьевичу, отвѣчалъ онъ съ увѣренностію. Мы расхохатались и послали его къ Моисей Филатьевичу.

Я думаю, что въ солдатѣ нашемъ развивается воинственный духъ, имѣя его своимъ началомъ еще въ быту крестьянина. Безпрерывныя войны, веденныя Россіею со Шведами, Турками, Поляками, Татарами и Горцами Кавказа, преобразовали нашу націю въ военную. Петръ Великій слилъ ея духъ воедино и далъ ему достойное для славы Россіи направленіе; послѣдующіе за нимъ Государи развили до высшей

степени эту народную доблесть. Въ Отечественной кампаніи она обнаружилась величественнѣе, и 1812 годъ принялъ полный характеръ войны народной съ безчисленными своими ужасами и бѣдствіями, доказавъ всему свѣту истребленіемъ Европейской арміи, что гибельно трогать насъ въ дымныхъ нашихъ избахъ, когда мы не посылаемъ приглашеній. Свободныя вооруженія нашихъ крестьянъ, ихъ патріотическія дѣйствія всякому извѣстны, нужно было только видѣть это на опытѣ. (*)

(*) Сказываютъ, что Талейранъ говорилъ Наполеону, когда онъ замышлялъ экспедицію въ Россіи: не троньте медвѣдя въ его берлогѣ. Патріархъ дипломатовъ вѣрно лучше своего Императора зналъ Россію.

Видъ народной войны страшенъ и величественъ. Смятеніе, тревога, всеобщее ополченіе, колокольный набатъ, стражи на высотахъ и рѣшимость каждаго дорого продать собственность, жизнь и судьбу своего семейства. И одинъ спасенъ — другой погибаетъ.

Но скажите, кто же, если не Творецъ, сохраняетъ насъ въ такія гибельныя минуты; отъ чего одинъ и другой остались живы, отъ чего пали убитыми и ранеными болѣе ста тысячъ въ дѣлѣ Бородинскомъ, гдѣ, справедливо сказалъ Кутузовъ, трусу не было мѣста. Замолкнемъ предъ непарушимыми опредѣленіями Провидѣнія, упованіе утѣшительно; вѣра есть теплый благотворный лучъ для души невинной. Она

создана для познанія всѣхъ благостей, которыя Творецъ ей ниспосылаетъ (*).

Принесемъ ему моленія. Порадуемся цвѣтущему состоянію Россіи. Русской гордится по справед-

---

(*) 33-я Легкая батарея наша получила за дѣла въ Россіи, особенно за Бородинское, петлицы и знаки за отличіе на кивера; офицеры были всѣ вознаграждены. Изъ 70 оставшихся послѣ Бородинскаго дѣла солдатъ, 26 за него получили Георгіевскіе кресты. Не было примѣра въ арміи, чтобы третья часть солдатъ, вышедшихъ изъ боя, были такъ награждены. Графъ Милорадовичъ, имѣя нашу батарею всегда у себя въ авангардѣ, не называлъ насъ иначе, какъ храбрыми. Такъ въ день своихъ имянинъ, встрѣтилъ насъ идущихъ въ дѣло: Здравствуйте, храбрые, сказалъ онъ, вотъ вамъ 10 крестовъ, ступайте и заслужите. Никто изъ тѣхъ, на которыхъ ихъ возложили, не вышелъ живымъ изъ сраженія. Графъ умѣлъ поощрять.

ливости своимъ именемъ. Знаменитые подвиги послѣднихъ войнъ, отдавшихся во всѣхъ частяхъ свѣта, служатъ ручательствомъ незыблемаго уваженія къ намъ державъ просвѣщенныхъ.

Въ Россіи, мирный кровъ и собственность каждаго твердо охранены законами; таланты и немощность безъ лицепріятія обрѣтаютъ вѣрный пріютъ.

КОНЕЦЪ.

2007043081